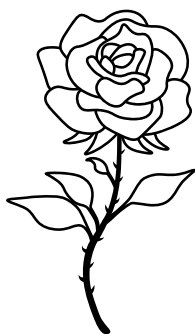
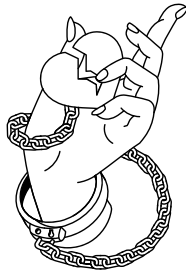

*Посвящается тем,
кто не боится заблудиться
в лабиринте запретных желаний...*

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ О ТРИГГЕРАХ

Этот сборник содержит откровенные сцены насилия, психологические манипуляции, морально неоднозначные отношения и другие тяжелые темы.

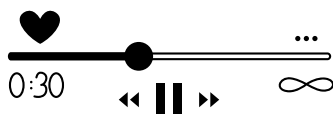
Здесь вы найдете:

- ✧ Элементы принуждения (non/dub-con)
- ✧ Психологические травмы (депрессия, ПТСР)
- ✧ Физическое/эмоциональное насилие
- ✧ Токсичные отношения (газлайтинг, абьюз)
- ✧ Деструктивные формы любви (одержимость, созависимость)
- ✧ Эротизированную тьму (BDSM без SSC, edgeplay)

Не читайте, если:

- ✧ Ищете «здоровые отношения»
- ✧ Чувствительны к темам потери контроля
- ✧ Ожидаете хэппи-эндов без последствий

Эти истории — для тех, кто готов смотреть в бездну. Вы предупреждены.

ПЛЕЙЛИСТ

АКТ 1. СЛАДОСТНАЯ ОДЕРЖИМОСТЬ

Billie Eilish – Bury a Friend
Kalandra – Brave New World

АКТ 2. ТЕМНАЯ ЛЮБОВЬ

Type O Negative – Love You to Death
London Grammar – Devil Inside

АКТ 3. ОПАСНОЕ ИСКУШЕНИЕ

Lana Del Rey – Ultraviolence
Everybody Loves an Outlaw – I see red

АКТ 4. ЗАПРЕТНАЯ ЛЮБОВЬ

Hozier – Take Me to Church
She Wants Revenge – Tear You Apart

A decorative frame containing a skull and roses. The skull is positioned at the top center of the frame, surrounded by several roses. The frame itself is composed of intricate, swirling lines that form a heart-like shape at the top and a wide, flared base. The background of the entire page is a dark, textured, and distressed grey.

Акт 1
СЛАДОСТНАЯ
ОДЕРЖИМОСТЬ

ЛЕА
СТЕНБЕРГ

ИГРАЙ В МЕНЯ

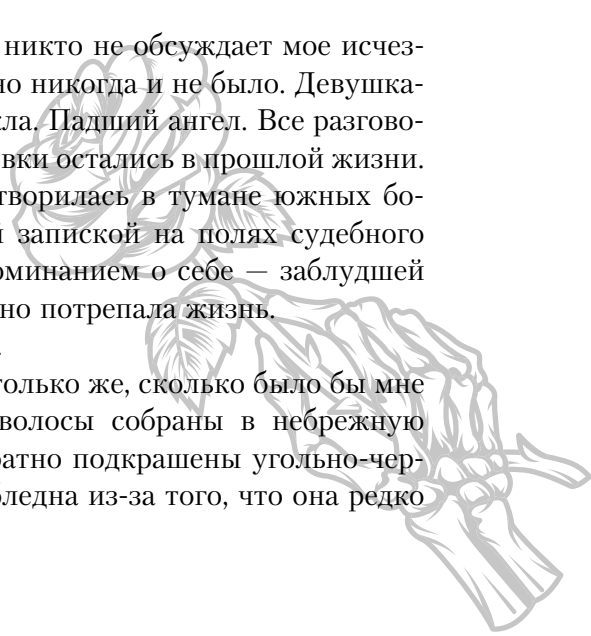
*Arab Strap —
The Turning of Our Bones*

Быть мертвой не так уж плохо. Звучит странно, но мне нравится. Пока люди спорят, существует ли жизнь после смерти, я наслаждаюсь покоем и тишиной.

Уже больше года никто не обсуждает мое исчезновение. Меня словно никогда и не было. Девушкатель. Сломанная кукла. Падший ангел. Все разговоры и газетные заголовки остались в прошлой жизни. Я исчезла, тихо растворилась в тумане южных болот. Стала короткой запиской на полях судебного дела, бледным воспоминанием о себе — заблудшей овце, которую изрядно потрепала жизнь.

Меня больше нет.

Есть Линда. Ей столько же, сколько было бы мне сейчас. Ее темные волосы собраны в небрежную косу, ресницы аккуратно подкрашены угольно-черной тушью, а кожа бледна из-за того, что она редко

выходит из дома. Еще она килограммов на пять стройнее меня, и у нее выпирают ключицы и тазовые кости. Мы совсем непохожи. Из общего у нас только глаза. Васильково-синие — такие трудно маскировать, особенно если у тебя аллергия на линзы.

Линда приветлива. Она улыбается продавцу в магазине и машет рукой почтальону. Ее соседи не допустили бы и мысли, что эта девушка может сквернословить словно грязный моряк в дешевом портовом пабе. Линда и не может. Она бы никогда себе такого не позволила. Всегда вежлива, опрятна, собранна. Немногословна. Работает администратором в ресторане. Держится обособленно, ни с кем не заводит тесных связей. Скромная милашка, вероятно, из хорошей семьи, давшей ей достойное воспитание.

Вероятно, не более.

Потому что все вокруг видят лишь то, что им позволено. Я сама рисую нужную картину: посторонним доступно ровно столько, сколько я показываю. Все, что за этим фасадом, — мое. Неприкосновенное. Даже для того, кто делит со мной постель.

Я как бомба с часовым механизмом. Лучше не знать, что внутри, иначе взрыва не избежать. И я мертва, чтобы мое прошлое осталось там — под обломками старой жизни. Иначе оно вернется и достигнет меня. Поглотит все, что осталось.

— Дорогая, тебе оставить ночник?

Приходится выныривать из тяжелых мыслей.

— Да, можно. — Я киваю, поджав на постели ноги, и бросаю взгляд в окно, за которым стелятся сумерки.

Стиг все равно сделает так, как решил. Он всегда решает за меня, потому что заботливый. А еще это

его дом, его постель, и за мою еду и одежду тоже в основном платит он.

— Форточку оставлю? — улыбается Стиг.

— Да. — Я преданно смотрю ему в глаза.

Только он знает о моих шрамах и моей татуировке под грудью. Стиг в курсе, что я нашла у него прибежище от преследующих меня кошмаров. Мои прежние отношения отняли у меня много сил — вот та правда, которой я с ним поделилась. Но это лишь ее часть. Если симпатичный здоровяк узнает, какие чудовища охотятся за мной, мечтая полакомиться моей плотью, он сбежит первым.

Стиг раздевается и ложится рядом со мной на кровать. Долго смотрит мне в лицо. Он видит Линду, она его возбуждает. Эта девушка хорошо сложена, мила и покорна. Временами с ней весело, она может поддержать разговор, и за это можно простить даже огрехи в ведении хозяйства. Стиг готов простить Линде даже разбросанные по полу вещи, ведь его член так красиво смотрится у нее во рту.

Да, она знает все его маленькие слабости и особые предпочтения в сексе. Старается ему угодить. Когда Стиг давит ей на плечи, Линда послушно опускается на колени. А когда рывком разворачивает за талию — она упирается руками в изголовье кровати. И громко стонет — так ему нравится. Но сегодня все будет иначе, сегодня он будет смотреть ей в глаза. Он так решил.

Ловким движением Стиг избавляет Линду от кружевных трусиков и отшвыривает их в сторону. Склоняется над ней, разводит ноги руками и погружает в ее горячую глубину большой палец. Линда чертовски мокрая. Она реагирует тихим всхлипом, ее ресницы трепещут, а губы дрожат на выдохе.

Стиг вводит палец глубже и внимательно следит за ее реакцией. Вот оно. То, что нравится ему больше всего остального, — эта девушка всегда готова. Она всегда его хочет. Идеальная.

И да, пожалуй, он ее даже любит.

Ее. Линду. Не меня.

Меня он совсем не знает.

— Да, детка, — шепчет он, вводя в нее свой большой, красивый и гладкий член.

Я мысленно велю ему заткнуться, чтобы сосредоточиться на ощущениях, а Линда охает и закрывает глаза.

— Да! — повторяет Стиг, ритмично двигаясь в ней.

Она поднимает веки и восхищенно смотрит на него. И это правильно, не стоит отстраняться, чтобы случайно не представить на его месте кого-то другого. С безжалостным змеиным взглядом и сильными руками, способными одним прикосновением причинить нестерпимую, мучительную боль. Линда обвивает Стига ногами за талию и стонет, чувствуя его еще глубже. Так горячо и так тесно, что жар, рождающийся между ног, разносится по всему телу и звенит в каждой клеточке.

Я присутствую между ними немым свидетелем.

Витаю где-то над кроватью, по-прежнему в своих мыслях, пока Стиг атакует Линду жадными губами и они сливаются в страстном поцелуе. Этот мужчина силен. Он вбивается в нее жестко, требовательно, первобытно. По его коже струится пот, на шее вздуваются вены. Стиг чертовски хорош в этом деле, и его партнерша подтверждает это, срываясь в такт толчкам едва ли не на крик.

И это не ярость. Трахая ее, он доказывает свою любовь. Ну и еще немного любит себя собой, поглядыва-

вая в зеркало на стене. Его движения, словно удары, проникают все глубже, заставляя Линду задыхаться в ожидании приближающихся сладких конвульсий. Каждый толчок как напоминание о том, что она принадлежит ему.

Но не я.

Когда Линда кончает, впиваясь ногтями в его кожу, мое сознание уже где-то далеко и не с ними. Ее пульс бьется у меня в висках, а удовольствие волнами разливается по телу, но я думаю совсем о другом. Например, о противозачаточных, что лежат в потайном дне моей сумки, когда Стиг наполняет Линду своим семенем. Он надеется, что оно попало на благодатную почву, но я знаю, что это не так. Никаких детей, пока я точно не буду знать, что для них тут безопасно.

Стиг целует ее.

Меня.

Нас.

Тщетно пытаюсь вернуть в реальность, он стискивает Линду в своих объятиях и размазывает пальцами капли пота по ее щекам. Или это слезы? Она улыбается, чтобы он так не подумал. И Стиг на выдохе шепчет:

— Эта улыбка меня погубит.

Мне бы очень не хотелось. Прости.

Она смеется в ответ, обмякая в его руках.

А я думаю, что он может оказаться прав. Из-за меня Стиг в большой опасности. Между мной и моим прошлым сотни дней и тысячи километров, но, черт подери, я почти физически ощущаю приближение тьмы. Этот парень заслуживает быть счастливым. Заслуживает хорошую девушку, такую как Линда. А не меня — черный ящик с грязными

секретами и кучей проблем. И мне жаль. Действительно жаль, что наша жизнь будто на паузе, и все из-за того, что я с замиранием сердца жду, что зло вернется в мою жизнь.

Прости. Прости, Стиг...

— Ты что-то сказала?

— Я сказала, спи. — Она гладит его по влажным от пота волосам, плотнее прижимается к нему бедром. — Я с тобой.

Она — да, но я...

Я закрываю глаза и глубже погружаюсь в уже знакомый мучительный сон, в котором меня удерживают связанной на кровати.

— Мой Ангел, — звучит ядовитый шепот в моей голове.

И крепкие руки все сильнее сжимаются на моем горле.

Ох, милая. Этот придурок с дебильным именем Стиг совершенно тебя не знает.

У нас с тобой не было секретов, и потому я находился в курсе всего: особенностей твоих тела и души, привычек, слабостей, интересов. Знал, *как* ты любишь. И как стонешь, когда *действительно* кончаешь. Знал о тебе больше тебя самой. А этот идиот с накачанной задницей ни черта не видит твою суть! Но меня злит другое. Неужели ты не верила, что я тебя найду? Неужели не надеялась, что мы вновь будем вместе?

Моя девочка. *Только моя.* Навсегда.

Я докуриваю сигарету, и бычок падает в траву к моим ногам. Интересно, этот урод с маленькими руками уже закончил или полезет на тебя снова? Боюсь не сдержаться и вступить в игру раньше времени. Его ладони оглаживают твоё бедро, и ты мечтательно смотришь в потолок. Полностью расслаблена, не ожидаешь подвоха. Стиг шлепает тебя, и ты вздрагиваешь. Смеешься. Льнешь к нему и трешься о него, словно кошка. Нет, так не годится, малыш. Мне не нравятся его руки на твоём теле, но, вот же дерьмо, меня это странным образом возбуждает.

Стиг переворачивает тебя и входит сзади.

Мой налитый кровью член болезненно ноет, требуя немедленно вступить в игру и взять своё. Я закуриваю ещё одну сигарету и мучаюсь, наблюдая за тем, как он тебя трахает. Этот тип думает только о себе в этот момент. Пялится в зеркало — вот же урод. Не могу дождаться момента, когда избавлю тебя от него.

Наконец он кончает. Две с половиной минуты, серьезно? Прости, ты тратишь своё время на ничемного слабака. Но не переживай. Это очень скоро закончится. Я спасу тебя от него. Стиг засыпает, ты осторожно выбираешься из его объятий и встаёшь с постели. Наверное, чтобы отправиться в душ, и это правильно — нужно скорее смыть с себя его мерзкий запах.

Я тушу ботинком окурок и наваливаюсь на дерево. Здесь, в тени листвы, ты меня не заметишь. Зато лунный свет позволяет в деталях рассмотреть твоё лицо и фигуру, и даже капли пота на груди. Ты сменила внешность, моя девочка. Молодец, всё правильно, ведь в новом образе и за тысячу километров от дома никто тебя не узнает. Кроме меня, разумеется. Я шел

по следу как гребаный волк и, клянусь, нашел бы тебя даже под землей. Вот как сильно я люблю тебя, мой Ангел. Никто и никогда тебя так не полюбит.

Поэтому мы будем вместе, пока смерть не разлучит нас. Обещаю.

Ты берешь халатик и накидываешь на себя.

Я не забуду дни, когда ты любила ходить голой по нашему дому. Мне приятно, что с ним тебе неуютно настолько, что ты не можешь быть собой. Тыходишь к окну, и мое сердце замирает. Мы смотрим друг на друга, но листва старого дуба и ночная мгла надежно скрывают меня от твоих глаз. Ох, девочка, ты потеряла несколько килограмм. Смею надеяться, тосковала по мне. Ну как же иначе? Конечно. Самые сильные чувства не проходят бесследно, и ты очень страдаешь.

Ну, ничего. Нужно совсем немного потерпеть, и я спасу тебя. Для моего возвращения уже почти все готово. Осталось только подготовить тебя.

Ты долго и тревожно всматриваешься в темноту. Я стою неподвижно и даже не дышу. Мне нравится разглядывать твое новое лицо и вспоминать тебя прежнюю. Пирсинг в носу, куча колец, сережек, браслетов — они звенели, предупреждая твое появление. Ты входила в помещение, и у меня сразу вставал. Видит Бог, я сопротивлялся как мог, но ты не оставляла мне выбора.

Я полюбил тебя, потому что не было никаких других вариантов. Ты — чертова ловушка, Ангел. Ты — игра, в которой ставка — сама жизнь, а выигрыш — лучшее из наслаждений. Ты чертов наркотик, детка, без которого мне уже не прожить.

Я делаю глубокий вдох, а ты задумчиво прикусываешь губу. Кутаешься в халат и с тревогой вгля-

дываешься во тьму. Похоже, ты чувствуешь, что я близко. Это все связь между нами, ее не разорвать никому и уж точно не скорострелу Стигу с его вялым членом. Он даже не представляет, какая ты на самом деле. Он не видел тебя настоящей.

— Спокойной ночи, — шепчу я в темноту, когда ты уходишь в душ.

Передо мной картинки из прошлого. Тот день, когда я тебя встретил. Твой вызывающий взгляд из-под бровей, черные ногти, странная сиреневая помада, растрепанные светлые волосы. Чем дольше я смотрел на тебя, тем сложнее мне было отвести взгляд. Я до сих пор слышу ночами твой нервный смех и вспоминаю, как обещал защитить тебя от всего мира. Если обещал, значит, так и будет. Я никогда не подводил тебя, милая.

Симпатичный домик. Я начинаю понимать, что тебе в нем приглянулось. Высокие потолки, большие окна, новая мебель. М-м-м, и просторная кухня. Проще всего затеряться у всех на виду и казаться нормальной среди нормальных людей в таком вот... нормальном доме.

А ведь мы с тобой никогда не жили в подобных хоромах. В нашем прошлом остались вонючие жилые коробки с гнилыми полами и всякая шваль, их населяющая. Неудивительно, что ты решила попробовать начать здесь заново. Хотя немного обидно. Мы были отбросами, но любили друг друга, и я обещал, что вытащу тебя из дерьма.

Я держу слово, поэтому и пришел за тобой.

Мои ботинки мягко ступают по каменному полу. Попасть в дом было совсем нетрудно. Ты запираешь все окна и двери, но ленивец Стиг не так внимателен: он опять оставил окно в уборной приоткрытым. Открыть замок и влезть было совсем нетрудно. Видишь? Тебе по-прежнему некому довериться, кроме меня. Этот мир никогда не понимал нас, не стоит ждать, что это когда-то изменится.

Первым делом я иду в твою спальню и ложусь на кровать. Нюхаю твою подушку, прикусываю наволочку, представляя твои губы. Пью из кружки, которую ты оставила на тумбочке и листаю книгу, которую ты купила, чтобы делать вид, будто тебе интересно чтение. Закрываю глаза и снова прокручиваю в голове вчерашнюю сцену. Стиг трахал тебя на этих простынях. Без защиты. И он кончил в тебя, вероятно, даже не подозревая, что ты заранее побеспокоилась о том, чтобы не понести от такого мудака, как он.

Да, я видел, как ты покупала те таблетки в аптеке. Все последние дни ты под моей защитой и наблюдением. Я оберегаю тебя. Слежу, чтобы ты не оступилась. Хочу, чтобы ты сама почувствовала мою близость. Только ты всегда понимала меня, детка.

Я иду к платяному шкафу, чтобы зарыться лицом в твою одежду. Эти унылые тряпки сдержанных пастельных оттенков совсем не похожи на то, что ты носила раньше. Они не отражают твой характер. Кроме, пожалуй, этого шарфика — красного с черным. Он как напоминание о том, кем ты являешься. Как привет из прошлой жизни. Как послание — твое ко мне.

Ты оставила мне сообщение, Ангел? Да, любовь моя, оно буквально кричит о твоей тоске по нашим лучшим временам.